

Он заставлял заучивать стихи Жуковского, Батюшкова, Крылова и вообще наших русских поэтов и, между прочим, чтобы нас позабавить, вспоминал Подолинский, прочел наизусть всего Трумфа, как отличный драматический артист. Не мудрено, что двенадцати-тринадцатилетним мальчиком Андрей уже пробовал писать стихи, увлекаясь образцами русской классики, в превосходном чтении своего наставника.

В 1821г. Пятнадцатилетний Подолинский был отвезен в Петербург в Благородный Пансион при столичном университете. Из этого пансиона впоследствии образовалась I-ая классическая гимназия. За три года пребывания в пансионе поэт усердно работал на родной ему почве: из под его пера вышло несколько поэм и целая серия стихов. Подолинский умел сознавать их незрелость и не только не осмеливался мечтать о печати, но даже старался скрывать их и от большинства товарищей.

В 1824г., по окончании университетского пансиона он поступил на службу секретарем при директоре почтового департамента, при котором занимался и по существовавшему тогда библейскому обществу, оставаясь в Петербурге до отъезда в 1831г. в Одессу, где он получил место помощника начальника VII почтового округа, в состав которого входил весь Новороссийский край.

Служба в Петербурге не мешала ему увлекаться любимым занятием, но все, что он тогда написал, не выходило из тесного дружеского круга, состоявшего преимущественно из наиболее образованных пансионских товарищей, между которыми проявлялись литературные и замечательные музыкальные дарования. На дружеских сходках товарищей по университетскому пансиону гениальный Глинка часто приводил в восторг или возбуждал обих веселость своими вдохновенными импровизациями.

В печати имя Подолинского стало известно только в 1827г., когда поэт решился издать свою первую поэму "Див и Пери". За нею последо-

вали повести в стихах "Барский" и "Нищий". Андрей Иванович печатал свои стихи в разных альманахах: "Северных цветах" Дельвига, "Невском альманахе" Аладьина, "Альбоме Северных муз" Ивановского, "Киевлянине" Максимовича и др.

А.И.Подолинский был современником А.С.Пушкина. Его стихотворения были встречены похвалами и одобрением самого великого поэта. Вот как Подолинский описывает свою первую встречу с Пушкиным:

"Год выезда Пушкина из Одессы я хорошо помню по следующему случаю. В 1824г., по выпуску из Петербургского университетского пансиона я ехал, в конце июля, с Н.Г.К. к родным моим в Киев. В Чернигове мы ночевали в какой-то гостинице. Утром, войдя в залу, я увидел в соседней, буфетной комнате, шагавшего вдоль стойки молодого человека, которого, по месту прогулки и по костюму, принял за полового. Наряд был очень не представительный: желтые, нанковые, небрежно надетые шаровары и русская цветная, измятая рубаха, подвязанная вытертым, черным шейным платком; курчавые, довольно длинные и густые волосы развевались в беспорядке. Вдруг эта личность быстро подходит ко мне с вопросом: "Вы из Царскосельского Лицея?" На мне еще был казенный сюртук, по форме одинаковый с лицейским.

Сочтя любопытство полового неуместным и не желая завязывать разговор, я отвечал довольно сухо.

"А! Так Вы были вместе с моим братом", возразил собеседник.

Это меня озадачило, и я уже вежливо просил его назвать мне свою фамилию.

"Я Пушкин; брат мой Лев был в Вашем пансионе".

Слава Пушкина светила тогда в полном блеске, вся молодежь благоговела пред этим именем, и легко можно себе представить, как я, семнадцатилетний школьник, был обрадован неожиданной встречей и сконфужен моей опрометчивостью.

Тем не менее мой спутник и я скоро с ним разговорились. Он расказал нам, что едет из Одессы в деревню, но что усмирение его не совсем еще кончено и смеясь показал свою подорожную, где по порядку были прописаны все города, на какие именно он должен был ехать. Затем он попросил меня передать в Киеве записку генералу Раевскому, тут же им написанную. Надобно было ее запечатать, но у Пушкина печати не оказалось. Я достал свою, и она пришлась кстати, так как вырезанные на ней буквы А. П. как раз подходили и к его имени и фамилии. Признаюсь, что эта случайность суеверно меня порадовала; я в тихомолку начинал уже рифмовать и потому видел в такой тождественности счастливое для себя предзнаменование.

Описанная встреча не была однако же началом моего знакомства с Пушкиным. Он вскоре забыл и саму мою фамилию, как я мог удостовериться из того, что когда в 1827г. появилась моя первая поэма "Див и Пери", Пушкин приписывал ее то тому, то другому из известных уже в то время поэтов, будто бы скрывавшемуся под псевдонимом. Он разуверился только тогда, когда по издании моей второй повести, я, при выходе из театра, был ему представлен, помнится, Булгариным, с которым он не был еще в открытой войне. Пушкин встретил меня очень приветливо и имел любезность насказать мне много лестного. С тех пор знакомство наше продолжалось, но не долго, так как года через два я оставил Петербург".

В небольшом обществе у барона Дельвига на еженедельных вечерах Подолинский нередко встречал Пушкина и Мицкевича. На этих вечерах он неоднократно слышал продолжительные и упорные прения Пушкина с Мицкевичем то на русском, то на французском языке. Первый говорил с жаром, часто остроумно, но с запинками, второй тихо, плавно и всегда очень логично.

Получили известность стихи Андрея Ивановича, написанные по слу-